

Очень понравилось!
Блестящие персонажи, горьковатая ирония
и безупречно выстроенная интрига.

*Эл Эм Чилтон,
автор романа «Навсегда оффлайн»*

К. Дж. Уиттл

СЕМЬ ПРИЧИН УБИТЬ ВАШИХ ГОСТЕЙ

18+

К. Дж. Уиттл
Семь причин убить
ваших гостей
Серия «Азбука-бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73978847

Семь причин убить ваших гостей: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-32910-2

Аннотация

Приглашение на роскошный ужин? Дьявольски заманчиво... И дьявольски опасно.

Осенним вечером за великолепным столом собираются семеро гостей. Ужин организован на высшем уровне: впечатляющие интерьеры, безупречное обслуживание, изысканная кухня... Вот только эти люди не знают друг друга и понятия не имеют, кто и зачем их сюда пригласил. Таинственный хозяин вечера оставляет каждому пришедшему конверт. Внутри короткое послание: возраст, в котором человек умрет. От такого даже самых стойких мороз пробирает по коже, но худшее еще впереди. Две недели спустя умирает первый гость – ровно в том возрасте, что был указан в конверте. Затем второй.

И тогда оставшиеся осознают: запущен обратный отсчет. Кому-то отмерены месяцы, кому-то годы, но итог будет один. Или нет? Ведь кто-то собрал их тогда за столом, кто-то написал

роковые числа. Значит, это не судьба, а план. И за любым планом скрывается человек, которого можно остановить. Даже если кажется, что это сам дьявол во плоти...

Впервые на русском!

Содержание

Званый ужин

6

Конец ознакомительного фрагмента.

46

К. Дж. Уиттл

Семь причин убить ваших гостей

*Знать мы не будем, что значит преклонная
старость!*

Не лучше ль,

Ведая цену годам, счета годов не вести!

Авсоний¹

K. J. Whittle

SEVEN REASONS TO MURDER YOUR DINNER
GUESTS

Copyright © Kerry Whittle, 2025

This edition is published by arrangement with The Peters
Fraser and Dunlop Group Ltd. and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© В. О. Михайлова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-
КА», 2026

Издательство Азбука®

Званный ужин
Ноябрь 2015 года

Вивьен

Выходя из такси, Вивьен прищуривается: где-то на этой темной улице нужный ресторан.

– Что-то не видно... – произносит она, но голос тонет в реве двигателя, когда таксист давит на педаль газа. – Приду-рок, – бормочет Вивьен.

В ее руке, затянутой в перчатку, бренчит мелочь. Вивьен сыпает монеты в сумочку. Никогда ей не понять, зачем давать на чай таксистам, особенно если те без умолку болтают о своих детях.

На улице морось – та самая, от которой незаметно про-мокаешь до нитки; сухие волосы Вивьен выются от одной ее мысли о влаге. Она ищет в сумочке зонтик и стонет: оставила в такси! Затем в руке оказывается приглашение. Золотую надпись на нем она помнит, не подглядывая.

«Ресторан „Серендипити“², Сальвейшн-роуд, 13».

Не так она представляла себе это место. Улица пропитана унынием, что не здание, то закрывшееся предприятие с ароматом рухнувших надежд. Модное капкейк-кафе, бутик ретроодежды, тематический бар... Всюду обветренные таб-

² От *англ.* serendipity – серендипность, интуитивная прозорливость, способность делать глубокие выводы из случайных наблюдений, находить то, чего не искал намеренно.

лички «Продается». Мимо Вивьен, едва не сбивая ее с ног, толкает коляску молодая женщина, закрывая лицо от дождя. По другой стороне улицы медленно, опираясь на трость и хмуро глядя под ноги, ковыляет пожилой мужчина. Вивьен отказывается от мысли спросить дорогу у кого-либо из них и ищет номера домов на обветшалых табличках. Дома номер семь, девять, одиннадцать... И тут улица заканчивается.

Все это пустая трата времени. Вивьен достает мобильный, хочет снова вызвать такси. Еще пара минут под дождем, и ее макияж стечет по лицу, а волосы вконец распушатся и встанут дыбом. Зато если она поторопится, то еще успеет на поезд в 18:28 до дома, где сунет ноги в уютные меховые тапочки и включит сериал про Пуаро.

– «Серендипити» ищете?

Тихий голос словно проскальзывает прямо ей в ухо, заставляя Вивьен вздрогнуть, а ее ноги в практичных туфлях «Кларкс» – подпрыгнуть на мокром асфальте.

– Извините, не хотел вас напугать, – добавляет мужчина, в сторону которого она оборачивается.

Пожалуй, это не совсем мужчина – скорее мальчик, думает она. Его глаза сквозь запотевшие стекла очков кажутся громадными, как у совенка. Длинные волосы намокли и свисают паклей до воротника джинсовой куртки. И весь он такой тонкий, что его легко может смыть этот дождь. Мокрый совеночек.

Затем она замечает в его очках свое отражение. Смуглая

кожа, вьющиеся волосы, опущенные уголки губ... Может, мальчик он и не привлекательный, но, по крайней мере, молодость на его стороне. Вивьен, уже перешагнувшая грань между «зрелой» и «пожилой», в последнее время чувствует себя какой-то неприметной. Она бы не удивилась, если бы, однажды взглянув в зеркало, не увидела отражения. От этой мысли внутри вспыхивает гнев пополам с беспомощностью.

– Да, – резко отвечает Вивьен. – А что?

– Я... я тоже его ищу, – почти шепчет он.

И тут она замечает в его руке знакомый конверт: плотная черная бумага с тисненными буквами.

Подобных приглашений Вивьен еще никогда не получала, однако неделю назад она просто выбросила его в мусорное ведро и, закатив глаза, буркнула коллеге Кэт:

– Какая-то дурацкая пиар-акция. Наверняка презентация нового освежителя воздуха на бежевых диванчиках и с дешевым пойлом.

Но Кэт выудила конверт из мусорной корзины и внимательно изучила надпись.

– А по-моему, это приглашение на шикарный ужин, – сказала она, приподняв идеально изогнутую бровь. – Если вы не хотите, позвольте мне пойти? В этом месяце с деньгами туговато...

– Оно адресовано заместителю главного редактора, а не младшему редактору, – резко бросила тогда Вивьен и выхватила у нее приглашение.

Кэт отвернулась к экрану, быстро моргая. Вивьен всегда знала, какой ее видели коллеги: противной старой девой без личной жизни, – но в одном ее мизинце больше таланта, чем в их наманикюренных, покрытых искусственным загаром руках. И бывают дни, когда ей так и хочется задушить их всех.

Когда Вивьен двадцатитрехлетней девушкой с широко открытыми глазами пришла в этот журнал, то стала лишь второй женщиной в штате. Упорный труд в конце концов сделал ее заместителем редактора, но не позволил подняться на еще одну ступень. Вивьен словно превратилась в часть интерьера в доме, где ремонтировалось все, кроме нее. И внезапно журналистки новой волны начали учить ее, как пользоваться «Фейсбуком»³. Одна из них – с кожей столь безупречной, что Вивьен едва могла смотреть на девушку, – даже предложила прочитать ее материал, чтобы «придать ему молодежный вайб». Та дурочка недолго у них задержалась.

За время работы Вивьен в качестве заместителя в журнале сменилось пять главных. Все – мужчины, и все моложе ее.

На прошлой неделе последнее дарование – тридцативосьмилетний Дэмиан, экс-редактор журнала для подростков, с лысиной, укрытой курчавыми волосами, и крайне небрежным отношением к азам грамматики, – вызвал Вивьен в свой

³ Социальная сеть *Facebook* («Фейсбук»). Деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms Inc.* по реализации продуктов – социальных сетей *Facebook* и *Instagram* запрещена на территории Российской Федерации.

кабинет «на разговорчик». И огорошил ее новостью, что продажи журнала за последние полгода упали еще сильнее и возникла реальная угроза закрытия. Самого редактора это, похоже, не слишком волновало. Он с сочувственным выражением лица все поглядывал на часы. Возможно, уже получил новое предложение работы. Вивьен оставалось только мечтать о такой несокрушимой уверенности, с которой не нужно доказывать свою компетентность.

И после этого, вернувшись за свой стол, она снова взяла конверт, повертела его в пальцах. Ее имя было написано замысловатыми золотыми буквами, а кроме этого – ни имени хозяина банкета, ни даже электронной почты, куда можно было бы прислать подтверждение. Следующие два дня конверт пролежал у Вивьен под клавиатурой, и ее взгляд постоянно падал на витиеватые буквы.

В то утро, надев свое самое приличное черное платье прямого кроя от «Маркс и Спенсер», она вновь припомнила эти буквы. Нахмурилась, проведя расческой по седеющим волосам. Подняла подбородок и увидела в отражении зеркала две наметившиеся дряблые складки. «Обвисло». Какое мерзопакостное слово. Вивьен беззвучно произнесла его, и складки в зеркале дрогнули, словно в знак согласия. Старение – привилегия, в которой многим отказано, сказала она себе и потянулась за сумочкой. Она принялась размышлять о других гостях на званом ужине: возможно, там удастся завести новые знакомства, которые пригодятся, если журнал закроется;

а может, ей встретится зрелый журналист, ищущий умного единомышленника. Вот тогда за бокалом хорошего вина она ошеломит его тем, что сегодня ей шестьдесят. «Да вам не дать больше сорока пяти! – восторженно затараторит он. – Ну, может, пятидесяти пяти...»

Теперь, наблюдая за тем, как этот мужчина-мальчик вытирает нос грязным рукавом джинсовой куртки, Вивьен терзается сомнениями, не зря ли она приехала сюда. Она-то думала, что направляется на пиар-мероприятие для опытных журналистов, но парень таковым совсем не выглядит. Разглядывая улицу и придумывая элегантный способ завершить разговор, Вивьен гадает, что побудило хозяина званого ужина пригласить их обоих.

– Я Тристан, программист-фрилансер, – говорит он, робко протягивая руку.

– Вивьен, редактор журнала! – рывкает она (главный или не главный – тут нет нужды в подробностях). – Пожалуй, поеду домой; этого ресторана, видимо, не существует...

– Вы редактор журнала? Ух ты, классная работа! – лучезарно улыбается мальчик.

– Что ж, неплохая, по-своему, – отвечает Вивьен и невольно тоже растягивает губы в улыбке.

Она смотрит на кроссовки Тристана на липучках (но он ведь уже знает, как завязывать шнурки?) – из-за дождя они серые, как посудная тряпка. Да и носки, вероятно, промокли насквозь.

– Слушайте, вам пора бы где-нибудь укрыться...

– Стойте-ка! Вон той двери я раньше не замечал, – говорит Тристан, не сводя глаз с переулка в стороне от дороги.

Вивьен поднимает взгляд и видит черный дверной проем. Она моргает: под дождем блестят две золотые цифры.

– Тринадцать! Должно быть, это оно! – восклицает Тристан, радуясь, как ребенок.

Вивьен невольно чувствует, как в груди зарождается волнение. Она всегда любила хорошие детективы, находя утешение в неоднократном просмотре излюбленных «Главного подозреваемого» и «Пуаро», а также в чтении Агаты Кристи. Они спускаются в переулок. Тристан толкает дверь, чтобы пропустить вперед Вивьен.

Дверь захлопывается за ними, отрезая шум вечернего городского транспорта. Вивьен слышит только свои шаги по кафельному полу и дыхание Тристана за спиной.

– Я ничего не вижу, – шепчет она, семена вперед.

– Смотрите, вон же вывеска, – бормочет Тристан.

Когда глаза Вивьен привыкают к темноте, на стене перед ними появляется большая золотая табличка. Над лестницей вниз – строгие заглавные буквы: «Серендипити». Сердце Вивьен стучит сильнее, но она не хочет выглядеть напуганной пожилой курицей, поэтому делает глубокий вдох и идет вперед. Тянется к гладким деревянным перилам и осторожно проверяет ступней каждую ступеньку.

– Ну, вперед! – Она старается говорить нараспев, так,

словно посещение жутких званых ужинов в скрытых подземных ресторанах – ее повседневная забава.

Внизу лестницы их встречает тяжелая дверь из темного дерева с огромной золотой ручкой посередине. С другой стороны доносятся приглушенные голоса, а затем визгливый смех. Пустившееся было вскачь сердце Вивьен чуть замедляется. Даже помня, что она находится в центре Лондона и всего в нескольких метрах над головой тысячи прохожих, Вивьен на мгновение верит, что они с Тристаном попали в другой мир. Она распахивает дверь и не может сдержать изумленного вздоха. Перед ней – самый роскошный зал, какой она когда-либо видела, с пляшущим в изысканном камине огнем, со стенными панелями из темного дерева и огромными картинами маслом на них. Вивьен всегда мечтала жить в поместье, которое выглядело бы именно так. Ей бы подошли роль героини «Аббатства Даунтон» и общество благовоспитанных дам. Вивьен кладет руку на гладкий мраморный камин и смотрит на рисунок над ним. В отличие от живописных полотен, изображающих банальные пейзажи и пухлых томных леди, это графика тушью. В центре сидящих по кругу, разодетых животных проглядывает дьявольское лицо. Вверху – павлин в цилиндре и фраке, ниже – орел, держащий весы, две дерущиеся собаки в белых рубашках и свинья в пиджаке, нацелившаяся на жареную курицу, а еще – ящерица в галстук-бабочке и со свитком, кот с трубкой, баран в цилиндре, что так и пялится на спутницу-овцу. Может быть, в

картине – подсказка к тематике сегодняшней встречи? Если все так, то Вивьен впечатлена. Совсем не безвкусный маркетинговый трюк. Подойдя ближе, она смотрит в глаза дьяволу, а тот, кажется, отвечает ей тем же. Уголок картины будто бы неплотно прилегает к раме. Она тянется к нему...

– Взгляните-ка на стол, – говорит Тристан, стоя в непосредственной близости от нее, словно испуганный малыш.

Вивьен с неохотой отрывается от картины и рассматривает круглый стол, накрытый белой скатертью, в центре комнаты. Над ним висит хрустальная люстра, в которой ярко горят белые конусообразные свечи. От люстры к столу свисают длинные зеленые лозы, обвивая ряд золотых канделябров, словно щупальца осьминога. Стол сервирован на семь персон сверкающим столовым серебром и хрустальными бокалами. Все это тоже как из исторической драмы. Вивьен гадает: не сделают ли ее в этой разношерстной компании вдовствующей герцогиней?

– Ну, привет! – раздается громкий мужской голос с другого конца стола. – Проходите, садитесь.

Щурясь, Вивьен разглядывает темный силуэт за канделябром. Она замечает два пустых места за столом, оба с маленькими черными карточками между столовыми приборами. Карточку со своим именем, написанную в том же стиле, что и приглашение, она находит быстро. На ней – орел с весами. Справа от нее сидит худой мужчина в приталенном сером костюме с надменным выражением лица; он кивает ей.

Слева от нее – прибор Тристана. Они оба садятся.

МЭТТЮ

Вольготно откинувшись в кресле, Мэттью смотрит, как старушка и мокрый (о, с него на пол так и льет) парень подходят к столу, чтобы занять два последних места. Что ж, теперь и впрямь ничего не понятно. Женщина – одна из тех ссохшихся старых дев, каких по лондонским офисам пруд-пруд. Дома у нее, вне всяких сомнений, пара кошек и моро-зильник, полный готовых блюд. А что касается унылого паренька: слишком длинные волосы, запачканные очки, фанат устаревшей рок-музыки – судя по футболке. Сложив все это вместе, надо полагать, что зарабатывает он на жизнь, сидя за компьютером, и доходы его невысоки. Кроме новичков, за столом уже были: управляющая бельевой компанией с ботоксом и огромной грудью; старик-валлиец из полиции, явно обожающий заложить за воротник; слишком тощая блогерша, хмуро уставившаяся в телефон; и зануда-врач с телика, который так и ждал, что его все узнают. Оглядев стол, Мэттью поправляет гелевую укладку и размышляет, кто – и на кой – пригласил весь этот сброд.

– Добро пожаловать на самый загадочный званый ужин Лондона! – Старый полицейский вскакивает, протягивая свою длинную, как лопата, руку двум вновь прибывшим (у самого Мэттью все еще немного болят костяшки пальцев от

медвежьего рукопожатия). – Я Мелвин. Хозяина пока не видеть, – добавляет он.

– Меня зовут Вивьен. Нам не сразу удалось отыскать ресторан... – лепечет женщина постарше, пытаясь одновременно пригладить волосы и пожать руку Мелвину.

– Тристан, – бормочет компьютерщик и, не вставая с места, отвечает на рукопожатие.

Парень снимает очки, чтобы протереть их салфеткой. Без очков он выглядит более уязвимым. У него прыщи, как у подростка, странноватый шрам в форме бумеранга, пересекающий скулу, а еще залысины. Похоже, он старше Мэттью лет на десять и через два-три года разменет пятый десяток.

– Приятно познакомиться. Я Мэттью, – кивает он, сидя с другой стороны от Мелвина.

Он одаривает прибывших своей самой обаятельной улыбкой и испытывает облегчение оттого, что сидит далеко от Тристана и руку пожимать не надо.

Пока эти двое снимают пальто, а Мелвин представляет им остальных гостей, Мэттью с радостью замечает, как они шуряются. Не иначе, его вид ослепил их, как и всех вокруг. Он лениво делает глоток вина, и ему даже не нужно поднимать взгляд, чтобы знать, что все шестеро гостей смотрят только на него. Всегда одно и то же, куда ни пойдешь. Женщины, мужчины – неважно, от Мэттью всем глаз не оторвать.

– Что ж, вино, безусловно, изысканное, – говорит он с приподнятой бровью и смотрит на управляющую компанией

по производству нижнего белья, которая представилась как Джанет.

– Восхитительное, – сияет она, стреляя в него по-кошачьи янтарными глазами.

Мэттью ясно видит, что в двадцать с небольшим Джанет была великолепно, но сейчас, после сорока – по крайней мере, ему так кажется, – ее лучшие годы давно позади. Конечно, ботокс чудесным образом разгладил ее лоб, но морщинки вокруг глаз и рта безжалостно выдают истинный возраст. И Мэттью готов поспорить, что за последние пять лет она набрала лишние пару фунтов. «Грудь что надо, но за такой объем задницы пора взимать налог», – как сказали бы его коллеги из инвестиционного банка. Джанет, конечно, не может не заметить оценивающего взгляда Мэттью, и тогда по ее внушительному бюсту расплзается некрасивое розовое пятно. Бюст еще и подпрыгивает, стоит ей поднять бокал и сделать три больших глотка.

– Мальбек, Аргентина, осмелюсь предположить, – ухмыляется Джанет губами, которые уже чернеют от танина.

– Ах, женщина, которая разбирается в вине, – мурлычет Мэттью и небрежно закидывает левую руку на спинку ее стула.

Ну все, теперь эта дура будет с рук у него есть. Несмотря на многочисленные кольца на ее безымянном пальце и на очевидную разницу в возрасте, да и на то, что она провела с ним всего десять минут, он точно знает, что может хоть сей-

час везти ее к себе. Она ему не очень-то и сдалась, разумеется (он уже решил дать счастливый шанс молодой блогерше Стелле), но всегда приятно попрактиковаться.

Словно вторя его мыслям, в нагрудном кармане куртки Мэттью оживает мобильник. Наверное, Робин, а может, Шармейн. Боже, это может быть любая из пяти-шести симпатичных, но уязвимых женщин, которых он выловил на разных сайтах знакомств. Время от времени он заглядывает в один из этих дрянных ночных клубов – к часу ночи можно гарантировать, что там для Мэттью найдется легкая добыча. Сраженные дорогой внешностью и дешевыми шутками Мэттью, девушки с радостью потакают его темным фантазиям, затем, сидя дома в ожидании звонков, отменяют планы с друзьями (те в конце концов перестают их приглашать) и так постепенно становятся полностью зависимы от него. И тогда Мэттью может проделывать с ними любые трюки – любые! – и они все стерпят. В такие моменты он совершает свой фирменный разворот на сто восемьдесят градусов: просто перестает звонить. Некоторые переносят это хуже других, например Элеанор, которая долго не могла пережить их разрыв. Ей бы просто поблагодарить за несколько недель роскошной жизни, а она все забрасывала его звонками и сообщениями. Мэттью уже опасался, что придется взять дело в свои руки и каким-то образом заставить ее замолчать, но, к счастью, наконец прозрение пришло.

Покачав головой, чтобы отогнать эту мысль, Мэттью

вновь вспомнил о предстоящем ужине. Когда в почтовом ящике его квартиры на Бромптон-роуд появилось черное приглашение, он предположил, что его зовут на элитный вечер для одиноких сердец. С тех пор как он согласился на упоминание в той унижительной статье в бесплатной газете («Самые горячие холостяки Лондона» или что-то вроде), его завалили приглашениями. Большинство из них оказались либо в цифровой, либо в обычной корзине. Но в этом черном конверте было что-то особенное – роскошная бумага, намек на таинственность, нечто, что пробудило его интерес. Он надеялся, что этот вечер станет началом новых приключений и даже испытаний. А то его обычные методы с девушками уже слегка приелись.

– Ну и пейте свое изысканное вино, – обращается Мелвин к компании. – Мой напиток – пиво, и всегда им будет!

«Тело тебе спасибо не скажет, приятель», – замечает про себя Мэттью, глядя на подпирающий кромку стола живот Мелвина. Фелисити, личный тренер Мэттью, держит его тело в идеальной форме. Ее труды стоят немалых денег, но при этом она никогда не просит доплаты за приятные побочные услуги.

– Неужели я слышу валлийский акцент? – восклицает зануда-доктор Гордон. – Таких, как вы, нечасто встретишь в Уэльсе.

И за столом воцаряется тишина. Джанет закатывает глаза, глядя на Мэттью, Вивьен прокашливается, а Стелла сердито

смотрит на доктора. А вот Мелвин, тот просто смеется от души.

– Точно, Гордон! В Уэльсе не так уж много черных, что делает нас еще более особенными, – произносит он, и всеобщее напряжение спадает.

Мэттью видится Мелвину хорошим полицейским, способным и умирять размашистые кулаки, и утешить при необходимости. Однако Мэттью такая жизнь не прельщает. Он действует тоньше, под стать трейдерской среде. На самом деле, если задуматься, его подход к работе почти такой же, как и к личной жизни: Мэттью дружит с новыми, неопытными коммерсантами, чтобы те доверились именно ему, когда все неизбежно пойдет не так. Он предлагает помощь, а затем переманивает их клиентов, прежде чем бедные детишки опомнятся. Текучка кадров в его компании столь высока, что никто, кажется, не замечает хищного подхода Мэттью, кроме разве что его начальника – но тот склонен просто восхищаться Мэттью и его впечатляющими ежемесячными результатами.

– И кто же, по-вашему, наш таинственный хозяин? – спрашивает Джанет Мэттью, и он решает вновь побаловать ее своим вниманием.

– Саймон Коуэлл? Райан Гослинг? Принц Чарльз? – с ухмылкой подмигивает он.

– Похоже на игру «Поцелуй, женись, убей», – хихикает Джанет, не отрывая взгляда от Мэттью.

Он с удовлетворением подмечает, что остальные гости за- тихли, прислушиваясь к беседе.

– Тогда поиграем, – бросает он вызов, медленно проводя кончиком языка по верхней губе.

Джанет откидывается на спинку стула, явно наслаждаясь мужским вниманием. Взгляд Мэттью перемещается с ее лица на шею: там мягко пульсирует яремная вена, гоняя от мозга к сердцу полную сладострастия кровь.

– Замуж лучше пойти за Коуэлла, чтобы больше никогда не работать, – хихикает она. – Убить – Райана: он вроде ничего, но скучноват. А поцеловать – принца Чарльза: сколько бы он ни строил из себя интеллигента в серых костюмах с запонками, но он наверняка знает, как радовать дам.

– Что бы на это сказал ваш муж?! – смеется Мелвин, но Мэттью слышит в его голосе скрытое неодобрение, – верно, Мелвин из тех мужчин, которым не нравится, когда женщины слишком раскованы.

– А какое мне до этого дело? – фыркает она и поворачивается к Мэттью: – Теперь вы: Бейонсе, Хиллари Клинтон и Николь Кидман.

Он прикладывает палец к губам, словно тщательно обдумывая ее вопрос. Выжидает несколько секунд. За столом в ожидании его ответа воцаряется тишина.

– Можно мне убить их всех? – спрашивает он наконец, чем повергает Джанет в безудержное веселье.

Дверь напротив входа распахивается, и входит группа

официантов в галстуках-бабочках, все с золотыми подносами, уставленными кувшинами красного вина.

– Мне воды, пожалуйста, – просит Гордон.

Джанет закатывает глаза, глядя на Мэттью; тот подмигивает ей в ответ.

– Не знаете, хозяин скоро присоединится? – спрашивает Мелвин одного из официантов и получает в ответ легкое пожатие плечами, а затем все официанты исчезают за дверью, предположительно ведущей на кухню.

– Похоже, придется нам развлекаться самим, – говорит Мэттью, оглядывая стол: самое время побыть кудесником... – А как насчет вас... Вивьен, правильно? – обращается он к пожилой гостье, намеренно не замечая блогера Стеллу. – Как вы находите принца Чарльза?

– О боже, нет! Бенедикт Камбербэтч, вот кто в моем вкусе... – говорит Вивьен и делает глоток вина: насыщенный вкус заставляет ее блаженно прикрыть глаза.

– Фу, он же старый, – внезапно вмешивается Стелла, и голос ее гораздо мелодичнее, чем ожидал Мэттью.

– Джастин Бибер вам больше по душе? – спрашивает он, наконец-то строго взглянув на нее.

– Не думаю. Мне нравится Майкл Би Джордан – отличный актер, и такой стильный, – сообщает Стелла, а Мэттью отворачивается, словно та ничего и не говорила.

– Интересно, принесут ли мне воды? Здесь становится жарковато, – вмешивается в беседу доктор Гордон, промо-

кая лоб салфеткой.

– Кому нужна вода, когда вино такое вкусное? – спрашивает Мэттью, тянется за графином и поворачивается к Джанет.

В этот момент он обращает внимание на сервировку. Под карточкой с его именем – рисунок: баран в цилиндре и с моноклем пялится на овцу. Пожав плечами, он отодвигает рисунок в сторону и предлагает графин Джанет.

– Не откажусь, – сияет она, и Мэттью аккуратно наливает темно-красную жидкость в ее бокал.

Красное вино всегда напоминало ему кровь. А сейчас, в полумраке «Серендипити», напоминает еще больше.

Стелла

Стелла переводит взгляд с красавчика Мэттью на Джанет, чьи лучшие годы уже позади. Затем обратно. Ну охренеть, как это понимать? Чего это он ею заинтересовался? Конечно, у нее огромная грудь, но она вся из себя крупная и годится ему в матери... наверное. Ее взгляд скользит по точечным скулам Мэттью, его длинным ресницам; кажется, Стелла где-то его видела. И тут – озарение: он был в статье, которую она недавно читала, а называлась статья «Самые завидные красавчики Лондона» или как-то так. Автор явно выделяла одного конкретного красавчика с темными глазами – Мэттью, которого она назвала «убийственно привлекатель-

ным» (да ладно!). В статье был указан и размер состояния каждого ее «героя», и, насколько Стелле помнится, Мэттью не так богат, как ее отец. Но он определенно на верном пути. Она оценивающе смотрит на его костюм (явно из какого-нибудь шикарного ателье на Сэвил-Роу), на золотую печатку на мизинце. Она уже давно зареклась с кем-то встречаться, но, возможно, для Мэттью сделает исключение. В конце концов, отец грозитя снова лишить ее денег, и ей нужен запасной вариант. А у Мэттью есть потенциал. Увы, пока он едва ли взглянул в ее сторону.

Вздыхая, Стелла размышляет, не совершила ли она ошибку, придя сюда. Приглашение выглядело дорогим; она предвкушала роскошные подарки, несколько бокалов шампанского и, возможно, какой-нибудь эксклюзивный контент для своего канала. А все, что она получила, – унылый званый ужин с тошнотворным красным вином и кучей фриков. Не говоря уже о расисте в придачу. Да, она все еще злится из-за того, что этот шарлатан отпустил комментарий насчет Мелвина – чернокожего валлийца. Ее мама из Ганы, а папа белый, так что годам к двенадцати у Стеллы уже уши в трубочку сворачивались от подобных замечаний. Мелвину стоило бы порвать хилого доктора на куски, а он просто рассмеялся. Это бесит!

Стелла снова берет телефон и заходит в свой аккаунт на «Ютубе». Перед самым выходом она выложила новое видео о том, где и по какому случаю носить ковбойские сапоги и

как найти идеальную пару, не тратя сотни фунтов. Юные подписчики уже оставили под ним десятки благодарных комментариев. Ее аудитория растет быстрее, чем у ее конкурентки, Героини Хай-стрит, а еще недавно со Стеллой связались два новых спонсора – вот что действительно важно. А не учить нищих подростков, как нормально одеваться. Бог знает, почему им кажется, что масс-маркет идет хоть в какое-то сравнение с дизайнерской одеждой, но они жадно глотают любую чушь, и кто она такая, чтобы их разубеждать? Глядя на свои ковбойские сапоги от Версаче – подарок отца на двадцать второй день рождения, – Стелла благодарит судьбу за то, что ей не нужно связываться с дешевыми подделками.

Можно сказать, сейчас она увлеклась модным видеоблогингом. После того как ее выгнали из школы (будто она что-то украла у этих заносчивых стерв!), отец находил для нее стажировку в разных местах. Но она возненавидела каждую секунду, что ей приходилось таскать боссам чай и ксерокопии, и вдобавок ей даже не платили. И вот однажды, несколько лет назад, Стелла запустила аккаунт на «Ютубе». То, что начиналось как небольшое хобби, быстро переросло в «феномен» (цитата из «Дейли миррор»), число просмотров и подписчиков на ее канале взлетело. Спустя пару месяцев ее стали звать на вечеринки всякие звезды шоу-бизнеса и крупные блогеры; ее просили поделиться секретами успеха; она получала всевозможные подарки по условиям сотрудничества на «Ютубе»: одежду, аксессуары, косметику, пер-

вокласные блюда в мишленовских ресторанах, шампанское ящиками и так далее. Конечно, Стелла могла и так позволить себе подобные развлечения, но суть не в этом.

Быстрым движением большого пальца Стелла выходит из своего аккаунта StellaStylez и заходит в другой. Она улыбается про себя, видя комментарии, которые там появились: сплошь крики и восклицания. Она представляет слезы и боль подписчиков, и даже страх, вызванный ее словами; мгновенно ее охватывает воодушевление, словно кровь начинает быстрее бежать по телу. Она чувствует себя такой... живой.

– Так ты занимаешься модными трендами? – вдруг спрашивает старуха Стеллу, говоря через сидящего между ними доктора Гордона.

– Ага, – бормочет Стелла и неохотно кладет телефон на стол, экраном вниз. – У меня канал на «Ютубе» с почти полумиллионом подписчиков.

Стелла видит, что гости за столом впечатлены, не считая зануды Тристана. Тот просто давится вином.

– О, превосходно! Кажется, моя дочь, Луиза, любит смотреть подобные передачи. Ей четырнадцать, – вмешивается Гордон.

«Нет, только не надо тут скучных рассказов о твоей дочке...»

– А вы врач? – спрашивает Стелла, пытаясь сделать заинтересованный вид: в школе-интернате ей вдалбливали важ-

ность светских бесед наряду с другими полезными навыками вроде фокстрота и умения использовать нужную вилку.

– Полагаю, вы меня не узнали, – откашливается он, поправляя нежно-голубой галстук. – Я регулярно появляюсь в «Утреннем шоу»...

– А-а-а. Что ж, я не из тех, кто рано встает. – Стелла пожимает плечами и снова тянется к телефону.

Почему никто не сказал этому мужику, что узкие галстуки допустимы только на костюмированных вечеринках?

– Ничего страшного. – Он откидывается на спинку стула. – Я врач-диетолог и довольно часто появляюсь на телевидении, обсуждая последние модные диеты и все такое.

– О дорогой, теперь я вспомнила, где вас видела! – кричит Джанет, сидящая с другой стороны от Стеллы. – Вы как раз на днях назвали «чокнутой» какую-то бедную актриску из-за ее диеты на кленовом сиропе. А я только собиралась им закупиться...

– Ну, не уверен, что я именно так выразился... – бормочет доктор Гордон, протирая свою вилку салфеткой.

– Зато теперь у ее бедер появился шанс стать тоньше, – бормочет Стелла.

Ее игнорируют прямо-таки с царственным видом: теперь Джанет пристально смотрит на доктора, а тот садится в кресле чуть прямее.

Наверняка она надеется получить пару советов, как самой немного похудеть. Платье на ней, безусловно, дизайнерское,

но из него все выпирает. А вот кольца на пальцах действительно красивые, вынуждена признать Стелла: в камушке на обручальном, похоже, три карата, а то и четыре.

– Вы не найдете убедительных научных доказательств в пользу такой диеты, – говорит Гордон, обращаясь к Джанет, откладывает теперь уже сверкающую вилку и возвращается к теме: – Более того, из-за нее могут возникнуть проблемы как с сахаром, так и с инсулином. А кратковременная потеря веса обернется его набором, едва только человек вернется к нормальной пище...

– О, да кого я обманываю, – усмехается Джанет, перебивая доктора. – Как будто я смогу жить без красного мяса!

Стелла закатывает глаза, больше не желая слушать этот нелепый разговор. Раз игристого не подали, стоит, так уж и быть, попробовать красного вина. Она наклоняется над столом, отодвигая приборы (и странную картинку ящерицы со свитком), берет бокал. Вино со вкусом черной смородины чуть горчит, но затем легко скользит в горло, и по телу разливается приятное тепло.

– Непривычный напиток? – спрашивает ее Мэттью, глядя своими темными глазами с другого конца стола (наверняка они темно-карие, хотя в этом неясном свете кажутся черными).

– Предпочитаю шампанское, – качает она головой.

– А знаете, как определить хорошее вино? – Его голос почти шелестит на фоне крещендо доктора Гордона и Джанет

(«А как насчет детского питания?»).

Стелла делает глоток и вновь качает головой, заправив прямые как палки волосы за ухо и теперь хмуро глядя на свои темно-красные ногти.

Мэттью берет бокал за ножку, медленно пьет; красная жидкость волнуется за стеклянными стенками и омывает их, будто крошечные волны.

– Видите? «Ножки», – бормочет он, не отрывая взгляда от бокала.

Она наблюдает, как волны медленно стекают вниз длинными полосами, похожими на ноги.

– О да, вижу, – лучезарно улыбается она.

На миг Мэттью возвращает ей такую же улыбку, обнажив острые белые резцы; затем улыбка исчезает, и он поворачивается долить полицейскому, оставив Стеллу глупо ухмыляться.

Чувствуя себя идиоткой, Стелла возвращается к своему бокалу и пытается повторить то, что делал Мэттью. Но вино переливается через край и оставляет красные пятна на ее белой салфетке.

Со вздохом она допивает вино, затем наливает себе второй бокал и делает большой глоток, который дается гораздо легче.

Очертания комнаты уже подернуты дымкой, словно старые фотографии в маминых фотоальбомах из восьмидесятых. Картинка и ощущения ей нравятся, так что Стелла от-

кидывается на спинку стула и внезапно находит кокетство Джанет скорее забавным, чем раздражающим.

– Так вы свободны, Мэттью? – спрашивает Джанет. – Или дома вас ждет избранница?

– Я все еще в поисках, – отвечает он ей. – Может, вы мне с этим поможете?

Джанет хихикает, откидывая светлые волосы за спину, а Мэттью ловит взгляд Стеллы и на долю секунды подмигивает ей. Ее охватывает дрожь возбуждения. Возможно, сегодня вечером она все-таки сможет немного отвлечься.

Тристан

Тристан, глядя на свои обкусанные ногти, внимательно прислушивается к разговорам вокруг. Шум голосов то нарастает, то затихает, отдельные слова повисают в воздухе, словно мультяшные реплики. «Таинственный... Серендипити... Знаменитость...» По правде говоря, Тристан не помнит, когда в последний раз был на званом ужине. Возможно, еще студентом, когда он делил пиццу с такими же, как он, айтишниками. Загибая пальцы, он вдруг осознает, что уже пять дней не разговаривал с живыми людьми. Толчая в зале, их громкие голоса, разность характеров и разброс мнений – все это вызывает у Тристана головную боль. Он только и хочет, что сбежать отсюда, запрыгнуть в поезд метро и вернуться домой, в безопасность его квартирки в Мэнор-Хаусе.

– Боже упаси! Они портят людям не только фигуру, но и все веселье! – кричит Джанет через стол на вопрос Мэттью о том, есть ли у нее дети.

Накрашенные красной помадой губы широко распахнуты, а необычные желто-зеленые глаза искрятся юмором. Все это кажется таким наигранным, и Тристан задумывается, искренна ли хоть в чем-нибудь эта женщина. Он бросает взгляд на журналистку Вивьен справа от себя, чей острый профиль с неприкрытым отвращением обращен к Джанет. Она из тех, чьи мысли сразу отражаются на лице, и сейчас на нем написано, что Джанет ее не впечатляет – как и, похоже, все остальные гости.

Когда Тристан столкнулся с ней на улице, он заметил, как Вивьен оценивала его непривлекательную внешность, насквозь вымокшие волосы и старую джинсовую куртку. Она тут же списала его со счетов, посчитав незначительным; вероятно, уже подумывала притвориться, что не знает ни о каком званом ужине. Ее выдало приглашение в руках, так что ничего не оставалось, кроме как признаться, что она тоже ищет ресторан. Когда он указал на дверь, Вивьен проскользнула мимо него и спустилась по лестнице с видом хозяйки, назначившей его своим оруженосцем. А едва войдя в зал, она тут же отстранилась от него и принялась искать здесь кого-нибудь более интересного, живого и приятного, нежели Тристан.

Его рука инстинктивно потянулась к шраму на скуле; кон-

чик указательного пальца идеально лег в ямку, оставленную ботинком хулигана. Рана зажила, но вмятина навсегда останется напоминанием о той ночи. Тристан смотрит на свою старую футболку с логотипом «Металлики» и думает, что, наверное, стоило одеться получше. Джанет явилась чуть ли не в бальном платье; Мэттью и Гордон – в костюмах; Стелла – в обтягивающем черном платье и ковбойских сапогах, а в ушах сверкают бриллианты. В последнее время Тристан редко задумывался о своей внешности, но сегодня, перед тем как одеться и выйти в свет, он стоял голышом перед зеркалом в ванной и размышлял: откуда вообще взялся этот сорокалетний мужик? Казалось, всего несколько месяцев назад ему не было и двадцати, и перед ним расстилалось захватывающее и, возможно, многообещающее будущее. В последнее время он отрастил волосы, зачесывая их на лоб, чтобы те скрыли самый некрасивый участок лба. Как несправедливо, что волосы исчезают, а прыщи все еще мучают... Затем его взгляд упал на обвисший живот, на который, как ни странно, словно переселились волосы с головы. В последнее время он ловит себя на привычке поглаживать его, как это делают беременные женщины.

Тристан уже был готов к выходу, когда зазвонил домашний телефон. Звонить мог только один человек. Он помедлил, прежде чем решил, что все-таки стоит с этим разобраться.

– Почему ты так долго не отвечал? Ты меня до смерти

напугал! – взвизгнула мать.

– Я уже стоял на пороге.

– О, ты встречаешься с Элли?

– Нет, мама, между нами все кончено, помнишь? – вздохнул он.

– Какая жалость! Ты так и не рассказал, чем ты ее отпугнул...

– Мам, мне пора. Позвоню тебе завтра. – Тристан топтался на месте.

– Ладно, иди. Ты принял витамины, которые я прислала? Мюриэль, соседка, сказала, что они помогают ее сыну от прыщей. Ему уже восемнадцать, и он только что поступил на медицинский в Эдинбурге.

– Да, мам, я их принимал, – пробормотал он, стиснув зубы: пожалуйста, хватит.

– И не забудь, что завтра отец приедет посмотреть твой бойлер...

По дороге в ресторан Тристан вспоминал летние месяцы, проведенные в отчем доме. На его переезде настояла мать, мечтавшая «присматривать» за сыном после его расставания с девушкой. Поначалу все было не так уж плохо: она кормила сына всеми любимыми блюдами его детства, включая пастуший пирог, лазанью, домашнюю картошку фри и белую колбасу. Тристан, завернувшись в одеяло, целыми днями сидел в постели в своей детской спальне в обнимку с ноутбуком словно младенец Иисус, только огромный и решивший ото

всех спрятаться. Но однажды воскресным утром, когда родители были в церкви, он от скуки забрел в их спальню и нашел коробку под кроватью. Почему он просто не оставил ее там? Зачем его потянуло копать в старых секретах?

Теперь, сидя за столом среди этих шумных, грубых людей, он с тоской думает о своей тихой квартире и даже об уютном родительском доме. Все же он заставляет себя вслушаться в разговор. Все пытаются понять, кто организовал этот званый ужин, но Тристан не может думать об этом сейчас: разум и так перегружен. Он не проронил ни слова с тех пор, как сел за стол. Нужно что-то сказать.

– Все это так похоже на вечер детективных игр, – бормочет он.

Они были на подобный вечере с Элли, и он возненавидел каждую проведенную там секунду. Его зубы сжимаются, челюсть так и ходит туда-сюда от воспоминаний. Слова Тристана пролетают над столом и рассеиваются, как сигаретный дым, пока остальные гости наблюдают за возобновившимся мучительным флиртом Мэттью и Джанет. Глядя на Мэттью, Тристан замечает ореол вокруг его густых каштановых волос, создаваемый светом свечи; в глазах же Мэттью таилась темнота, как в глубоких колодцах. Вивьен, по крайней мере, поздоровалась с Тристаном, прежде чем забыть о нем, а Мэттью разве что скользнул по нему взглядом, затем ненадолго остановившись на Вивьен, чтобы блеснуть своими люминесцентными зубами. Мужчина постарше, Мелвин, был

рад приветствовать их обоих и представил Джанет, которая не сводила глаз с Мэттью. Стелла на мгновение оторвалась от телефона, чтобы неохотно помахать Тристану, а от доктора Гордона он удостоился короткого кивка.

Когда Мэттью смеется, а Джанет в ответ ухмыляется, Тристан сдержанно вздыхает и отворачивается. Его взгляд замирает на карточке перед ним, на которой изображен бульдог в белой рубашке с поднятой, сжатой в кулак лапой. Он приглядывается к пальцам пса, похожим на человеческие, начинает считать: два, три, пять, семь, одиннадцать, тринадцать...

Нарядные официанты возвращаются в зал и встают элегантно за каждым стулом. Синхронным движением они ставят перед гостями семь тарелок.

– О боже, я умираю с голоду! – стонет Джанет.

– Фуа-гра! Обожаю, – лучезарно улыбается ей Мэттью, и та также отвечает улыбкой.

– Вы точно уверены, что здесь нет семян кунжута? Я аллергик, – говорит доктор Гордон официанту и видит кивок.

– Кто-нибудь объяснит нам, для чего мы здесь собрались? – спрашивает Вивьен, но официанты уже выходят из зала.

– А еще говорят, что бесплатный сыр только в мышеловке, – усмехается Джанет и берет столовые приборы.

Тристан смотрит на бежевый квадратик перед собой – тонкие, как вафля, крекеры. У него с утра во рту не было ни крошки, но эта еда не слишком аппетитна на вид. Джанет же

ловко намазывает тягучую субстанцию на крекер и отправляет его на свой розовый язычок. Потом в явном восторге закрывает глаза. Тогда Тристан нерешительно берет нож и зачерпывает немного фуа-гра. Но как только его нож касается крекера, тот вмиг неаппетитной горкой рассыпается на тарелке.

– Странная еда? – спрашивает Мелвин, улыбаясь Тристану.

– Я никогда ничего подобного не ел. Не привык к дорогим ресторанам, – отвечает Тристан.

– Я тоже, так что давайте насладимся по полной, – говорит Мелвин и, схватив десертную ложку, зачерпывает немного фуа-гра и поломанных крекеров со своей тарелки.

– Отличная идея, – усмехается Тристан, пытаясь проделать все то же, что и он.

Он поднимает взгляд и видит пренебрежительный взгляд Джанет, которая затем снова жадно обращается к Мэттью, расспрашивая его об опыте свиданий.

Несмотря на малопривлекательный вид – и печальное происхождение, – фуа-гра невероятно вкусное. Тарелка Тристана быстро опустошается. Его вкусовые рецепторы ликут: эти бедняги больше привыкли к тостам с фасолью.

– Мне казалось, парень вроде вас будет каждый вечер ужинать в Сити, – произносит Мелвин, сделав большой глоток красного вина.

– Мне больше нравится заказывать еду на дом и пригла-

шать друзей, – отвечает Тристан, причем лжет лишь наполовину: он всегда заказывает еду по пятницам и субботам, но никогда не ест ее с друзьями.

– Мы с женой часто выходили куда-то, когда только пожелались, но сейчас нам редко это удается... Она восстанавливается после химиотерапии... – Впервые голос Мелвина звучит едва ли не шепотом, а на лице его возникает странное выражение.

– О, как жаль это слышать. У моего отца несколько лет назад нашли рак простаты. А сейчас он чувствует себя отлично... – говорит Тристан, но Мелвин сразу же его перебивает:

– Это хорошо. Уверен, и с моей женой все будет в порядке. Мэри – очень сильная женщина. Еще вина?

Тристан кивает и смотрит, как Мелвин машет официанту, посылая его за новой бутылкой. Улыбка Мелвина вновь полна добродушия. Очевидно, он не хочет обсуждать болезнь супруги, но почему-то вид принял не грустный... а скорее виноватый. Странно.

Гордон

Гордон попросту не в силах оторвать глаз от Джанет, которая жирным слоем намазывает густое, липкое фуа-гра на крекер. Она даже не заметила, что испачкала в этой субстанции собственный палец, ведь все ее внимание поглощено едой.словно в замедленной съемке, она поднимает крекер,

ее кроваво-красные губы разлепляются, демонстрируя Гордону подлинный стоматологический шедевр, и крекер исчезает у нее во рту. Только тут Джанет наконец замечает бежевое пятнышко на своем большом пальце и запускает его вслед за крекером в алые глубины рта. Гордон старается не замечать подергивания в паху.

Уставившись в свою тарелку, он берет на нож немного фуа-гра и аккуратно намазывает паштет на крекер. Фуа-гра состоит в основном из утиного жира, и оно, безусловно, калорийно, но, откровенно говоря, мононенасыщенные и полиненасыщенные жиры в небольших количествах могут быть уместны в сбалансированном рационе. Гордон берет бокал и пробует красное вино, трижды прополаскивает им рот, а затем глотает. Зная, что вино способствует снижению риска сердечно-сосудистых заболеваний, он позволяет жене, Элизабет, раз или два в неделю побаловать их обоих бокальчиком. Элизабет всегда уговаривает Гордона позволить себе еще бокал, но он неизменно напоминает ей, что вся польза от вина ограничивается первым бокалом. Как он всегда говорит жене, главное – мера, и этого правила Джанет явно не знает.

Гордон изо всех сил старается сохранить лицо бесстрастным, наблюдая, как она проделывает то же самое со вторым крекером. «Как же ты отвратительна!» – чуть не рвется вопль из глубин его души. Он вспоминает, как в медицинском колледже ему и сокурсникам приходилось проводить

вскрытия. В первый раз примерно половина группы не удержала содержимое желудка, а парочка студентов упала в обморок прямо на месте. Но вот Гордон старался запечатлеть в памяти каждую секунду. Он наслаждался тем ощутимым давлением, с которым скальпель вонзался в мертвую кожу, его завораживало то, как идеально внутренние органы прижимаются друг к другу. Его куратор был поражен сосредоточенностью юного Гордона. Это воспоминание до сих пор вызывает у доктора улыбку. Глядя теперь на Джанет, он представляет себе слой жира под ее кожей, если рассечь ее скальпелем. Желтый, плотный слой. Возможно, одно это зрелище приучило бы ее к умеренности.

Не спеша прожевывая скромную порцию фуа-гра (ровно тридцать два раза, чтобы помочь пищеварению), доктор на мгновение прикрывает глаза от удовольствия. На вкус и впрямь восхитительно. Тихий голосок в голове нашептывает: «Давай, Гордон, ешь. О последствиях подумаешь позже». Он смотрит на тарелку, берет второй крекер и намазывает сверху еще чуточку фуа-гра. Снова медленно жует и проглатывает, прежде чем отодвинуть тарелку, – прочь искушение. К оставшимся трем крекерам и порции фуа-гра он больше не притрагивается. В этот момент он замечает свою сервировочную карточку: весьма лестно, что на ней так аккуратно выведено «Доктор Гордон Макмиллан» вместе с крошечным рисунком павлина в цилиндре. Павлин выглядит весьма представительно, заключает Гордон, присмотревшись. Мо-

жет, это эмблема какого-нибудь престижного общества почетных лекторов? На мгновение доктор позволяет себе просять.

– Передавайте, передавайте, если не хотите есть! – суетится Джанет, потянувшись через весь стол к тарелке Гордона.

– Может быть, я еще доем, – отвечает он чуть быстрее, чем намеревался, отодвинув тарелку подальше от нее.

Джанет заметно фыркает, что заставляет Гордона подавить смешок, и снова смотрит на Мэттью. Она ведь даже не понимает, какой нелепой кажется всем вокруг! Как будто этому молодому, спортивному парню нужна полная женщина средних лет!

– Ну же, Гордон, налетайте! – грохочет Мелвин через стол, словно кричит на судью по регби. – Вашим костям не помешало бы немного мяса!

– Спасибо, Мелвин. Пожалуй, я возьму еще, – говорит Гордон и осторожно берется за нож.

Он искоса смотрит на откинувшегося на стуле Мелвина, пока тот смеется над какой-то шуткой Мэттью. До чего же некрасиво трясется его живот. Неудивительно, что полиция переживает тяжелое время, раз в ее рядах есть такие представители.

– Похоже, из тебя вышел бы неплохой крыльевой; и вообще, нет спорта лучше регби, – говорит Мелвин Мэттью.

Гордон мысленно закатывает глаза. Его отец тоже любил регби, был ярым болельщиком клуба «Эдинбург» и не мог

понять, почему Гордон предпочитает грязной спортплощадке тихое чтение в спальне. И это Гордона тоже раздражает: мир так заиклился на спортивных «героях», что совсем забыл про ученых, а ведь те каждый день спасают жизни и действительно меняют мир к лучшему.

– Сочувствую вам по поводу жены, – произносит Гордон, устав от этой бессмысленной спортивной болтовни.

Улыбка Мелвина быстро исчезает, и он серьезно кивает.

– А вы знали, что приверженность здоровому питанию помогает снизить риск онкозаболеваний? – продолжает Гордон. – Одно лишь ожирение может спровоцировать развитие тринадцати различных видов опухолей.

– Ну, Мэри точно не страдает ожирением, – огрызается Мелвин и резко, с громким звоном, кидает на стол столовые приборы, заставив гостей замереть.

– О, у меня и в мыслях не было такое предполагать, – ободряюще улыбается Гордон полицейскому. – Я к тому, что в любых ситуациях стоит отдать предпочтение фруктам и овощам, а также цельнозерновым продуктам и белку. При этом – избегать красного мяса, алкоголя и сладкого.

– Выходит, сегодняшняя ужин вряд ли сделает нас долгожителями, – вмешивается Вивьен, сидящая слева от Гордона.

Он бросает взгляд на холодные голубые глаза Вивьен, которые пристально смотрят в ответ. Иногда на него вот так же смотрит Элизабет, когда он, по ее мнению, «сказал лиш-

него».

– Все должно быть в меру, как я всегда говорю, – бормочет он, на мгновение взглянув на Джанет.

Элизабет предупреждала мужа, что ему свойственно чрезмерное «морализаторство» по поводу здорового питания. Но как без этого обойтись? Разговор за зваными ужинами естественным образом переходит на еду и напитки; нельзя же упустить возможность просветить других.

Гордон возвращается к своей тарелке, и разговор за столом переходит на недавние крестины королевского чада, принцессы Как-ее-там. Он вздыхает, не понимая интереса окружающих ко всяким именитым спиногрызам, которым просто повезло родиться в правильной семье.

«Боже, фуа-гра восхитительно», – не может отрицать он. В своей семье он тщательно следит за тем, чтобы Элизабет с Луизой соблюдали строгую, сбалансированную диету. Луиза дуется: «Я как в лагере для похудения», и это наводит его на мысль, что, когда их с матерью нет дома, она дополняет свой рацион снеками с высоким содержанием сахара. Он же видит, как дочь полнеет, как округляется зад, как у нее временами трясутся руки.

– Она просто подросток, и у нее половое созревание. Не донимай ее, – предупредила Элизабет, стоило ему высказать свои опасения.

Но, в самом деле, разве хорошо, когда в семье уважаемого и известного специалиста-диетолога – дочь с лишним ве-

сом? Это делает из него лицемера. В отсутствие Элизабет Гордон время от времени рассказывает дочке о взаимосвязи жирной пищи с целлюлитом и акне. Он всегда гордился тем, что может говорить с подростками на одном языке. Этому его научила работа на телевидении, и, боже, он наслаждается там каждой секундой. Направленный на Гордона объектив камеры заставляет его чувствовать себя супергероем, мировым лидером, членом королевской семьи. Наконец-то у него появился шанс просветить простых людей! К несчастью, его зовут куда-то лишь раз в несколько недель, поэтому, когда Гордон увидел на своем столе приглашение на сегодняшней ужин, он надеялся встретить здесь представителей СМИ и раздать им свои новые визитки. Павлин на сервировочной карточке навел его на мысль о встрече спикеров. Но чем дальше он слушает здешние разговоры, тем менее образованными кажутся ему эти люди.

Затем доктор смотрит на свою тарелку и с ужасом понимает: она пуста. Неужели он сам съел эту огромную порцию? Невозможно! Но ведь больше некому. Все остальные либо болтают, либо доедают собственные закуски. Внезапно жар от открытого пламени показался ему нестерпимым, а швы пиджака начали врезаться под мышки.

– Извините, я на минутку, – бормочет он Стелле справа и Вивьен слева.

Ни одна из них не отвечает и даже не подает виду, что услышала.

Гордон обходит стол, толкает тяжелую дверь, через которую они вошли сюда всего час назад. Напротив него – лестница наверх, справа – еще одна деревянная дверь с надписью «WC». Толкнув дверь, он обнаруживает внутри довольно элегантную уборную с кушеткой, огромным зеркалом в дорогой серебряной раме, большими фарфоровыми раковинами и аккуратной стопкой одноразовых полотенец. Он направляется напрямиком в единственную кабинку и запирается внутри. Развернувшись лицом к унитазу, он прислоняется к двери и позволяет себе сползти на корточки. Унитаз идеально чист, ни пятна, ни пылинки. Это достойно его персоны. Гордон делает глубокий вдох и наклоняется, облачаясь на колени; ткань его облегающих брюк натягивается на бедрах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.